

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг.

Р. Р. Акжигитов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

makwwin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено укреплению украинского национализма в первые годы СССР в связи с проводимой государственной политикой украинизации и коренизации, что позволяет осознать истоки современного варианта концепции украинофильской исключительности. Автор ставит задачу проанализировать объективную картину смешивания этносов на Украине и субъективные усилия украинской этнократии по переходу к этническому доминированию. Раскрываются мотивы федерального центра по санкционированию осуществления политики украинизации и коренизации. *Материалы и методы.* Используется целая серия публикаций об этнолингвистической ситуации на Украине во второй половине XIX в. – 1920-е гг., статистические и партийные источники (стенографические отчеты XII съезда РКП(б) и IV совещания в ЦК РКП(б)). Автор применяет методы анализа и синтеза, сравнения, публикует важный табличный материал. *Результаты.* Отсутствие Украины как единого территориально-административного массива подстегнуло украинофильскую интеллигенцию в условиях революционной дестабилизации 1917 г. к идеологической и территориальной экспансии в лице киевской Центральной Рады. Однако в ходе Гражданской войны сторонники мелкобуржуазной националистической идеи не получили приоритетной поддержки – Украина все-таки стала советской. Тем не менее опасавшиеся украинофильства большевики пошли на неоправданные уступки последнему. Они выразились в насильственной интеграции Новороссии в Украину, а позднее – в политике украинизации языков. Но очень скоро формальное равноправие языков трансформировалось в предоставление кадровых и материальных преференций носителям идеи украинства. Ее отстаивали в партийных и чиновничьих верхах Х. Г. Раковский, Н. А. Скрыпник, Г. Ф. Гринько, А. Я. Шумский, В. П. Затонский, В. Я. Чубарь. Первоначально курс на украинизацию фактически саботировался в низах, но с приездом жесткого сталинского назначенца Л. М. Кагановича происходит перелом. Вместе с тем националистические безобразия, в которых были замечены отдельные представители творческой интеллигенции типа М. Хвильевого, побуждают центральную власть насторожиться и кампания постепенно начинает свертываться. *Выводы.* Политику украинизации следует рассматривать как часть курса на коренизацию, предусматривавшую всемирную помощь в социально-культурном развитии коренных этносов. В условиях Украины увлечение этой политикой наряду с позитивной культурологической составляющей таило в себе особенно много опасностей по причине размеров и стратегической важности республики, ее этнической неоднородности (прежде всего наличие русскоязычной Новороссии), агрессивности украинского шовинизма, мечтавшего подчинить себе русскоязычные

города. Наконец, ситуацию усложняло затянувшееся заигрывание с националистами со стороны центра, от которого во многом отказались только в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: украинофильство, украинизация, социально-этническая неоднородность Украины, агрессивная украинская этнократия, коренизация, национальная политика в СССР

Для цитирования: Акжигитов Р. Р. Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 110–123. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

The light and shadows of Ukrainophilia: the state policy of ukrainization and indigenization in the USSR in the 1920s

R.R. Akzhigitov

Penza State University, Penza, Russia

makwwwina@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the strengthening of Ukrainian nationalism in the first years of the USSR in connection with the state policy of Ukrainization and indigenization, which allows us to understand the origins of the modern version of the concept of Ukrainophile exclusivity. The author sets the task of analyzing the objective picture of the mixing of ethnic groups in Ukraine and the subjective efforts of the Ukrainian ethnocracy to transition to ethnic dominance. The motives of the federal center for sanctioning the implementation of the policy of Ukrainization and indigenization are revealed. *Materials and methods.* A whole series of publications on the ethnolinguistic situation in Ukraine in the second half of the 19th century – 1920s, statistical and party sources (stenographic reports of the 12th Congress of the RCP(b) and the 4th meeting of the Central Committee of the RCP(b) are used. The author uses methods of analysis and synthesis, comparison, and publishes important tabular material. *Results.* The absence of Ukraine as a single territorial-administrative massif spurred the Ukrainophile intelligentsia, in the conditions of revolutionary destabilization of 1917, to ideological and territorial expansion in the person of the Kyiv Central Rada. However, during the Civil War, supporters of the petty-bourgeois nationalist idea did not receive priority support – Ukraine nevertheless became Soviet. Nevertheless, the Bolsheviks, fearing Ukrainophilia, made unjustified concessions to the latter. They were expressed in the forced integration of Novorossiia into Ukraine, and later in the policy of linguistic Ukrainization of languages. But very soon the formal equality of languages was transformed into the provision of personnel and material preferences to the bearers of the idea of Ukrainianism. It was defended in the party and bureaucratic elite by H.G. Rakovsky, N.A. Skrypnyk, G.F. Grin'ko, A.Ya. Shumsky, V.P. Zatonsky, V.Ya. Chubar. Initially, the course towards Ukrainianization was actually sabotaged at the bottom, but with the arrival of the tough Stalinist appointee L.M. Kaganovich, a turning point occurred. At the same time, the nationalistic outrages in which individual representatives of the creative intelligentsia, such as M. Khvylovy, were noticed, prompted the central government to become wary and the campaign gradually began to wind down. *Conclusions.* The policy of Ukrainization should be considered as part of the course of indigenization, which provided for worldwide assistance in the socio-cultural development of indigenous ethnic groups. In the context of Ukraine, the passion for this policy, along with its positive cultural

component, was fraught with many dangers due to the size and strategic importance of the republic, its ethnic heterogeneity (primarily the presence of Russian-speaking Novorossiya), and the aggressiveness of Ukrainian chauvinism, which dreamed of subjugating Russian-speaking cities. Finally, the situation was complicated by the protracted flirtation with the nationalists on the part of the center, which was largely abandoned only in the early 1930s.

Keywords: ukrainophilia, ukrainization, socio-ethnic heterogeneity of Ukraine, aggressive Ukrainian ethnocracy, indigenization, national policy in the USSR

For citation: Akzhigitov R.R. The light and shadows of Ukrainophilia: the state policy of ukrainization and indigenization in the USSR in the 1920s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):110–123. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

В структуре сложносоставной, мультиэтничной и многоконфессиональной Российской империи территория современной Украины никогда не составляла единого массива. Исторически и административно выделялись Юго-Западный край (Подольская, Киевская, Волынская губернии), Малороссия (т.е. земли на левом берегу Днепра) и Новороссия (Причерноморье) (табл. 1).

Таблица 1

Губернии Российской империи, вошедшие в состав Украины [1, с. 81–82]

Губернии	Дата образования	Население, 1905 г.	Площадь, км ² , 1905 г.
Юго-Западный край			
Киевская	1781	4 148 900	50 957
Волынская	1795	3 501 600	71 736
Подольская	1795	3 482 300	42 017
Малороссия			
Харьковская	1796,1835	2 919 700	54 493
Полтавская	1802	3 263 400	49 894
Черниговская	1802	2 693 800	52 396
Новороссия			
Екатеринославская	1783 (1802)	2 659 800	63 393
Херсонская	1795,1802	3 215 700	70 799
Таврическая	1784,1802	1 602 700	60 375
Бессарабская	1818	2 236 900	44 399

Общероссийская перепись 1897 г. показала, что украинский язык в масштабах страны признали родным 22 млн человек (или 17,6 % имперского населения), что было немало, но областей его компактного доминирования было не так уж много. В Юго-Западных губерниях и Малороссии на украинцев приходилось соответственно 77 и 80 % жителей, но в Новороссии – только 47 %.

«Хотя в Новороссийских губерниях малороссы составляют заметную величину, но все-таки не столь подавляющую, – писал современник-украинофил. – В этом районе малорусская колонизация, сравнительно поздняя, столкнулась с оживленной великорусской, довольно заметной немецкой и молдаванской, а также встретила в некоторых местах старых насельников» [2, с. 415]. И в самом деле только в Екатеринославской губернии удельный вес малороссов превышал две трети (68 %), в остальных губерниях он был далек от доминирования: в Херсонской – 53 %, в Таврической – 42 %, в Бессарабской – 19 %. Промышленное освоение Донбасса вело к ускоренному росту его населения и явной тенденции к сокращению удельного веса малороссов – с 52,5 % в 1755 г. до 41,3 % в 1917 г. [3, с. 23]. Статистика показывает, что малороссы сторонились городов. По данным за 1897 г., русские составили 45,1 % горожан Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерний; евреи – 24,3 %; украинцы – 17,5 % [4, с. 24–28].

Само проявление интереса к украинскому языку с середины XIX в. носило во многом искусственный, явно преждевременный в плане развития этноса характер. Его испытывала лишь узкая группа озабоченных энтузиастов-националистов, никак не связанных с массами. Воспользовавшись благими намерениями этнографа, писателя и фольклориста П. А. Кулиша, создавшего наиболее удобный и упрощенный для крестьянства вариант правописания в конце 1850-х гг., украинофилы из числа разночинной интеллигенции активизировали на фоне языковой проблемы свою националистическую деятельность. К началу Первой мировой войны сложились не только соответствующие общественные и партийные организации, но и комплекс враждебных в отношении Российской империи идей:

- 1) отрицание общности исторического пути Украины и России;
- 2) стремление «быть (или казаться) Европой»;
- 3) приоритет культурного начала над экономическим, что означало игнорирование для развития экономического прогресса, передовых технологий [5].

На каком-то этапе между украинскими структурами, которые больше напоминали кружки, а не партии, и амбициозной общероссийской кадетской партией потенциально и мог бы быть достигнут компромисс, но кадеты, с одной стороны, не считали украинцев равными партнерами, а с другой стороны, не видели их выразителями воли всего украинского населения. Самое же главное – украинские деятели требовали слишком много, т.е. предоставляли не только автономии украинским землям, но и федерализации всей России [6, с. 9–11].

***

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали серьезным испытанием для российской государственности, кардинально ее ослабив. Уже Временное правительство чувствовало себя не вполне уверенно в переговорах с самочинно образовавшейся в Киеве в марте 1917 г. националистической Центральной Радой. Рада, объединившая представителей революционных кружков и политических организаций, объявивших себя партиями, не поль-

зовалась массовой поддержкой, но вела себя достаточно агрессивно. Уже 10 июня 1917 г. она издала так называемый Первый универсал, в котором высказала «идею созыва Всенародного украинского собрания, решения которого, как ясно давалось понять, будут иметь приоритет перед решениями Учредительного собрания России». Правда, после прибытия эмиссаров из Петрограда в конце июня изданный 3 июля 1917 г. Второй универсал несколько смягчил свой тон. Киевские политики теперь утверждали, что они «всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Исполнительный орган Рады – Генеральный секретариат – объявлялся органом Временного правительства с необходимостью утверждения его членов Петроградом. Самое же главное – националисты заявляли, что выступают «решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания» [7, с. 56–57].

Почувствовав в себе силы после укрепления своих позиций в конфронтации с Советами, Временное правительство издало 4 августа 1917 г. весьма правильное решение, ограничившее границы Украины пятью губерниями с бесспорно украинским населением – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской. Однако Корниловский мятеж и падение чисто буржуазной власти в Петрограде в октябре 1917 г. вновь вдохновили сепаратистские устремления Рады.

Надо сказать, что у нее чем дальше, тем в большей степени проявлялся влиятельный конкурент – Советы разных уровней и партия большевиков. Последняя резко увеличила свою численность с 24 тыс. весной 1917 г. до 350 тыс. осенью 1917 г., причем в украинских землях эта численность росла опережающими темпами – с 2 тыс. до 60 тыс. членов [8, с. 283]. Очень важно, что среди украинских большевиков в то время было немало реалистично ориентированных политиков и честных марксистов (Ф. Артем, В. Межлаук, Э. Лугановский, Э. Квириг, С. Топнер, В. Юдовский, А. Хмельницкий), которые с полным основанием противились отнесению своих регионов (Донецко-Криворожского района, Харьковщины, Одессы) к Украине. К сожалению, в руководстве большевиков возобладала стратегически неверная точка зрения о «единой Украине».

Между тем украинофилы не пользовались безусловной поддержкой в годы Гражданской войны. Выявилась сложная сегментация противоборствующих сил. Здесь сталкивались не просто «красные» и «белые». Ситуацию осложняли амбиции украинских националистов всех мастей, самостоятельные интересы беспартийных анархистов (прежде всего Н. Махно), агрессивные действия белопанской Польши. Следует учитывать, что на Украине ведению продолжительной и кровопролитной войны «всех против всех» способствовала многомесячная германо-австрийская оккупация в 1918 г., после которой в руках населения остались горы оружия.

Разумеется, никакой особой «украинской революции», развивающейся вне всякой связи с общероссийскими революциями 1917 г., как об этом утверждают современные самостийные историки-мифологизаторы [9, с. 65–75], на Украине

не было. Ситуацию очень точно описала Р. Люксембург, подчеркнув: «Украинский национализм был в России не более чем просто причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была нацией, ни государством, без всякой национальной культуры...» [10, с. 321].

В сложившейся ситуации сложного национального состава при доминировании двух этнических групп – великороссов и малороссов – наиболее естественной политикой со стороны властей было бы развитие двуязычия без оказания преференций какому-либо одному языку. Между тем среди украинского руководства при поддержке Москвы постепенно складывается тенденция к выпячиванию украинского языка, его насильственному насаждению среди явно незаинтересованного в этом населения.

Первоначально в документах речь идет только о равноправии двух языков. «Президиум ВУЦИК 21 февраля 1920 г. указывает, что во всех учреждениях УССР должен применяться украинский язык наравне с “великорусским” и что “никакое преимущество для великорусского языка недопустимо”» [11, с. 76]. Однако очень быстро равноправие превратилось в предоставление кадровых и материальных преференций украинскому языку и его носителям под предлогом его недостаточного развития. Например, в декрете украинского Совета народных комиссаров «О мерах обеспечения равноправия языков» от 1 августа 1923 г. четко проводится линия «украинизации всего государственного аппарата». В нем говорится о том, что почти все центральные органы Украинской ССР и ряд местных органов общесоюзных комиссаров, имеющих ближайшее соприкосновение с населением (налоговые органы, почтовые отделения, военные окружные комиссариаты), переходят в течение года на украинский язык [11, с. 78].

При этом украинофилы в лице председателя Государственного планового комитета Украины в июне 1923 г. выдвигали следующие аргументы: «Наша кооперация на добрых 60–70 % работает по-русски». В 1922 г. газет на украинском языке было 53, на русском – 168. В республиканской партийной организации «по национальному происхождению 23 % украинцев, 13 % евреев и 57 % великороссов». В коллегиях наркоматов «12 % украинцев, 47 % великороссов, 26 % евреев». Среди коммунистического студенчества «украинцев 23 %, великороссов 30 % и евреев 41 %» [12, с. 257].

Правда, первые итоги украинизации были малоутешительны. Она проводилась формально, «из-под палки», без должных кадровых ресурсов. К 1925 г. результаты проверки госслужащих Киева дали следующие результаты: «25 % проверенных “абсолютно не знают” украинского языка, 30 % “почти не знают”, 30,5 % “слабо знают” и лишь 14,5 более-менее знают украинский язык» [13, с. 421].

На Украине были прозорливо мыслящие партийные работники, видящие весь вред языкового национализма. Так, второй секретарь Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины (ЦК КП(б)У)

Д. З. Лебедь выступил против «украинизации во имя украинизации». Придерживаясь концепции «двух культур», он считал, что населению республики надо ориентироваться первоначально на русскую культуру как более передовую и более сильную, поднимая постепенно уровень украинской культуры. Он призывал не превращать язык «в средство проведения национализма» и различать культурные приверженности населения и амбиции «некоторых членов нашей партии». Бывший первый секретарь ЦК КП(б) Украины (в октябре 1918 г. – марте 1919 г.) и ее будущий секретарь (май 1923 г. – декабрь 1925 г.) Э. Квиринг в статье «Национальные моменты» (1922 г.) не без оснований утверждал, что политика усиленной украинизации «сильно отдаёт украинским шовинизмом», ибо «вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении» [14].

Но наиболее зрелую позицию занимал первый секретарь ЦК КП Украины Д. З. Мануильский (декабрь 1921 г. – май 1923 г.) – опытный партийный работник с большими заслугами перед революцией. На IV Совещании ЦК Российской коммунистической партии (РКП) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. он откровенно заявил об острых разногласиях в республиканском руководстве – прежде всего с Х. Г. Раковским. «Расхождения эти по линии государственной заключаются в том, что т. Раковский стоит на точке зрения, что тот союз, который сейчас организуется и будет проведен на ближайшей сессии ЦИКа, должен представлять из себя конфедерацию государств; мы же стоим на точке зрения, что этот союз должен являться и является союзным государством, а отнюдь не конфедерацией государств» [12, с. 235].

К сожалению, в лагере украинофилов был не только один болгарин Х. Г. Раковский – председатель Совнаркома Украины (январь – декабрь 1919 г., февраль 1920 г. – июль 1923 г.), идейно близкий Л. Д. Троцкому и поэтому перемещенный И. В. Сталиным на менее заметную дипломатическую службу летом 1923 г. Влиятельным адептом украинства был Н. А. Скрыпник – ветеран революционного движения на Украине с декабря 1917 г., нарком внутренних дел (1921 г.), нарком юстиции и генеральный прокурор УССР (1922–1927).

Рангом ниже в советской бюрократической иерархии обладал А. Я. Шумский, пришедший в Украинскую партию большевиков из левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров и из партии боротьбистов (упразднена в марте 1920 г.). Данная организация под лозунгом советской власти преследовала идею самостоятельной от России Украины, национальной армии и недопустимости «красного империализма» [15, с. 228–232]. Шумский нашел себе подходящее место в украинском госаппарате, устремившись на дипломатическую службу: в 1921–1923 гг. он являлся полпредом в Польше. В 1924–1927 гг. занимал ключевую с точки зрения националистов должность республиканского наркома просвещения. Из бывших боротьбистов был и республиканский нарком просвещения в 1920–1923 гг., председатель республиканского Госплана в 1922–1923 гг. и 1925–1926 гг. Г. Ф. Гринько. А вот В. П. Затонский до Февральской революции 1917 г. был меньшевиком и к боль-

шевикам примкнул только в марте 1917 г. Возглавлял делегацию Центрального исполнительного комитета Советов Украины на мирных переговорах в Бресте с Германией. В 1922–1924 гг. являлся республиканским наркомом просвещения.

Многие из большевиков-украинофилов высказывали открытые претензии к Москве, особенно на стадии образования СССР [15, с. 270–271]. Например, Х. Г. Раковский выступил на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. во многом с демагогически алармистской речью по поводу национального вопроса и деятельности центральных органов, потребовав «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам» [16, с. 582]. Провокационно звучали его слова и по поводу языковой политики: «Неужели же мы будем заставлять чекистов следить за тем, чтобы инородцы изучали русский язык?» [16, с. 578]. Или еще одна выдержка из той же демагогической речи: «Приходилось мне слушать товарищей, называющих выдумкой украинский язык, – выдумкой галичан. Не проскальзывает ли здесь, в конце концов, великодержавное чувство русского человека, который никогда не знал национального гнета, а, наоборот, угнетал сотни лет?» [16, с. 579].

У Н. А. Скрышника было не меньше претензий к центральной власти. Прежде всего они сосредоточились вокруг несуществующей проблемы тех 7 млн украинцев, которые оказались за пределами Украинской ССР. Почему-то он считал, что проживавшие в иной языковой среде граждане должны обязательно обслуживаться в культурно-просветительском отношении на украинском языке. Его «возмушало», что в Киргизии и Татарстане «всего 500 школ на украинском языке и затем всего два техникума». Не преминул он и наябедничать на областные партийные организации – Воронежскую, Царицынскую, Курскую, Кубанскую, которые отказались вести пропагандистскую работу на украинском языке. Другая тема его «беспокойства» – армейская. По его словам, «армия до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения». Наконец, главная идея, которую пытался проталкивать украинский оратор, – это то, что из двух национализмов, об опасностях которых предупреждают партийные документы, – великодержавного и местного, первый якобы является самым недопустимым. В интерпретации Н. А. Скрышника, «великодержавные предрассудки, всосанные с молоком матери, стали инстинктом у многих и многих товарищей... Каждое упоминание на великодержавный шовинизм пытаются всегда дисквалифицировать предъявлением встречного иска: дескать, “сначала преодолите свой собственный национализм”» [16, с. 570–572].

И. В. Сталин, ставший весной 1922 г. Генеральным секретарем и продвинувшийся в известной мере по пути консолидации власти, занимал более гибкую позицию. Он полагал, что существует все-таки обе опасности. Но с великодержавным шовинизмом должны бороться сами русские. «Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взяли за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы, как антирусский шовинизм». В то же время «русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую борьбу с татарским или грузинским

шовинизмом, то эта борьба его будет расценена как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин» [16, с. 651].

Однако способы решения национального вопроса на практике определялись не теоретическими постулатами, а практическими соображениями. С начала 1925 г. «триумvirат», сформировавшийся в Политбюро накануне смерти В. И. Ленина (Каменев, Зиновьев, Сталин), оказался замещен «дуумvirатом» (Бухарин, Сталин, которых поддерживали Рыков и Томский) [17, с. 64–65]. Теперь И. В. Сталину в связи с началом нового этапа внутрипартийной борьбы на Украине требовался полностью свой человек, которым стал посланный из Москвы Л. М. Каганович. Формально Каганович был поставлен для того, чтобы продолжать, но только более эффективно политику украинизации. Будучи жестким руководителем, он добился определенных успехов. «...в 1922 г. на Украине было 6105 украинских школ, в 1925 г. их стало 10 774, а еще через пять лет, в 1930 г., 14 430». К 1930 г. 68,8 % украинской прессы выходило на мове, а в 1932 г. – 87,5 %, «на русском выпускались только три газеты, причем в Одессе, Донецке и Мариуполе, то есть русских губерниях...». Та же самая безрадостная картина была и с театрами: «в 1931 г. насчитывалось 66 украинских, 12 еврейских и только 9 русских театров» [13, с. 426–427].

Вместе с тем, будучи проницательным политиком, Каганович не мог не видеть потенциальные опасности неконтролируемой самостоятельности, в появлении в публичном поле таких одиозных фигур, как считавшийся поэтом и прозаиком Н. Хвелевой – теоретик национал-коммунизма. Хвелевой, поддерживаемый наркомом Шумским, выступив с лозунгом «Прочь от Москвы!», спровоцировал к себе внимание со стороны И. В. Сталина и его письмо к членам ЦК КП(б)У. В 1926 г. Генеральный секретарь указывал: «Требования Хвелевого о “немедленной дерусификации пролетариата” на Украине, его мнение о том, что “от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее”... его увлечение какой-то мессианской ролью украинской “молодой интеллигенции”... – все это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать) более чем странно» [13, с. 422].

Представители украинской этнократии, сомкнув свои ряды, пытались оправдаться перед Москвой и одновременно «свалить» явно им идеологически чуждого Кагановича (на последнего жаловались И. В. Сталину). Тот же Шумский предлагал выдвинуть на пост председателя Совнаркома Гринько, а на пост Политсекретаря ЦК КП(б)У – вельможного националиста В. Я. Чубаря. Однако в 1927 г. самого Шумского, так и не раскаявшегося публично, откомандировали в Ленинград ректором Ленинградского института народного хозяйства им. Ф. Энгельса. Вместе с тем ввиду начинавшейся борьбы с правым уклоном Сталин был вынужден удалить с Украины и Кагановича в 1928 г.

Многие жители саботировали насильственную украинизацию. «Обывательская публика желает читать неместную газету, лишь бы не украинскую...» [18, с. 43]. Иногда наиболее смелые люди подавали жалобы. Так, в связи с распоряжением о принятии в вузы только со знанием украинского

языка молодежь назвала его глупым и «явно контрреволюционным». Недовольные подчеркивали, что национальная и кадровая политика на Украине – «это вызов нам, русским». «Может быть они и нас, оканчивающих вузы, как не украинцев не возьмут на службу на территорию какой-нибудь фиктивной Украины» [19, с. 232].

***

Политику украинизации как попытку «подправить» этнолингвистический ландшафт в пользу украинской идеи следует рассматривать в контексте более широкого и многоаспектного курса на коренизацию, т.е. всемерной помощи в социально-культурном развитии этносов, являющихся коренными для данной территории. Предусматривалось внедрение местных языков в делопроизводство и образование, поощрение издания печати на местных языках, продвижение на руководящие должности национальных кадров, создание национально-территориальных автономий. Однако положение этносов на просторах бывшей Российской империи было неодинаковым, равно как и их численность, удельный вес, уровень грамотности и другие показатели. Например, уровень грамотности в 1926 г. у «западных национальностей» колебался от 78,1 % у латышей до 34 % у армян (у русских – 45 %, у украинцев – 41,3 %), а у восточных национальностей он варьировался от 33,6 % у татар до 1,3 % у каракалпаков [20, с. 179]. Понятно, что на западных и закавказских границах СССР ликвидация неграмотности не стояла так остро, как в Средней Азии и на Северном Кавказе, и тактика образовательной политики не могла не отличаться. Точно так же показатель национального состава коммунистов в партийных организациях сильно варьировался (табл. 2) [15, с. 175–176].

Таблица 2

Национальный состав коммунистов в некоторых партийных организациях союзных республик и автономий в 1924 и 1926 гг., %

Название партийной организации	К 1 января 1924 г.			К 1 января 1926 г.		
	Коренное население	Русские	Остальные	Коренное население	Русские	Остальные
Татарская	27,3	62,0	10,7	31,4	59,1	9,5
Крымская	6,1	67,9	26,0	7,8	68,0	24,2
Дагестанская	38,0	50,7	11,3	52,2	36,6	11,2
Казахстанская	12,3	71,9	15,8	38,1	43,7	18,2
КП(б) Украины	34,3	40,1	25,6	43,9	37,6	18,5
Белорусская	37,2	18,9	43,9	49,8	16,5	33,7
Грузинская	68,2	9,4	22,4	64,9	10,0	25,1
Азербайджанская	45,9	30,7	23,4	39,7	35,0	25,3
Армянская	94,9	2,7	2,4	91,8	3,2	5,0
В целом партии	39,0	40,5	20,5	44,9	35,6	18,4

В подавляющем большинстве случаев удельный вес коренного населения в партийных рядах рос, хотя и разными темпами, и отталкивался от разных исходных значений.

Несомненно, что у политики коренизации были свои светлые и темные стороны. Позитивные моменты лежат на поверхности и связаны с социально-культурным прогрессом этносов. О негативных последствиях (формировании бюрократической этнократии) и националистических (амбициях) было мало принято говорить раньше. Между тем украинский национализм представлял особую опасность. Во-первых, из-за размеров территории, которая была отдана в ведение этого значительного по численности и близкого к великороссам этноса. Во-вторых, по причине необоснованности включения в эту территорию явно неукраинских земель (Новороссии), что стимулировало конфликты в будущем. В-третьих, ввиду агрессивного этнического шовинизма нелояльной к России местной интеллигенции, пытавшейся увлечь за собой крестьянство и насильно украинизировать город. Причем эта националистическая интеллигенция была более многочисленной, чем в других частях СССР. Наконец, ситуацию усложняло затянувшееся заигрывание с националистами со стороны центра. Москва опасалась их бунта и долгое время занимала мягкотелую позицию (вплоть до начала конца 1930-х гг.). Однако задачи форсированной индустриализации и колхозного строительства побуждали в начале 1930-х гг. усиливать централизацию в стране. Поэтому местным большевикам-националистам в ответ на команды из Москвы (по крайней мере в публичном поле) пришлось отказаться от своих неадекватных украинофильских взглядов.

Список литературы

1. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Как наше государство стало федеративным? (Анализ отечественного историко-государственного опыта) : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. 150 с.
2. Ярошевич А. Малороссы по переписи 1897 г. // Киевская старина. Киев : Тип. Императорскаго ун-та св. Владимира Акц. общ. Н. Т. Корчак-Новицкаго, 1905. 13 с.
3. Брук И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX вв. // Советская этнография. 1981. № 5. С. 15–31.
4. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.): этностатистический очерк. Вып. 1. Черкассы : Вертикаль, 2007. 48 с.
5. Мозговой С. Г. Внутренние и внешние стороны украинского национализма в 1863–1914 гг. // Universum: Общественные науки. 2016. № 1-4 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-i-vneshnyaya-storony-ukrainskogo-natsionalizma-v-1863-1914-gg/viewer>
6. Хрипаченко Т. И. Неудавшийся компромисс: российские либералы и проекты польской и украинской автономии в Российской империи накануне Первой мировой войны // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neudavshiy-kompromiss-rossiyskie-liberaly-i-proekty-polskoy-i-ukrainskoy-avtonomii-v-rossiyskoy-imperii-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny/viewer>

7. Крутиков А. «Дайте спокойно пожить». Украинское Учредительное собрание 1917–1918 гг. // Перспектива. Электронный журнал. 2020. 4 августа. URL: https://www.perspektivy.info/history/dajte_spokojno_pozhit_ukrainskoje_uchreditelnoje_sobranije_1917__1918_gg_2020-08-04.htm
8. Толочко П. П., Олейников А. А., Симоненко Р. Г. История Украины VI–XXI вв. / под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев ; Москва : Киевская Русь : Кучково поле, 2018. 472 с.
9. Михайлов И. В. «Украинская революция» или революция на Украине? // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 65–75.
10. Люксембург Р. Рукопись о русской революции // О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М. : Политиздат, 1991. URL: <https://document.wikireading.ru/hb5YSKnCfW>
11. Дурденевский В. Н. Равноправие языков в Советском строе. М. : [б. и.], 1927. 243 с.
12. Тайны национальной политики ЦК РКП: четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. : стеногр. отчет / Российский международный фонд культуры ; вступ. ст. Б. Ф. Султанбекова. М. : Инсан, 1992. 293 с.
13. Медведев А. Подлинная история русского и украинского народа. М. : Эксмо, 2015. 506 с.
14. Крутиков А. «Пока наша власть не окрепнет». Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг. // Перспективы. Электронный журнал. 2019. 18 июля. URL: https://www.perspektivy.info/history/poka_nasha_vlast_ne_okrepnet_bolshevik_i_ukrainskij_nacionalnyj_vopros_v_1917__1923_gg_2019-07-18.htm
15. Силницкий Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). 3-е изд. Вашингтон : Проблемы Вост. Европы, 1990. 312 с.
16. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). 17–25 апреля 1923 г. : стеногр. отчет. М. : Политиздат, 1968. 903 с.
17. Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991. М. : Проспект, 2018. 767 с.
18. Борисенок Е. Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930-е гг. М. : Европа, 2006. 256 с.
19. Марчуков А. В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М. : Кучково поле, 2018. 510 с.
20. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национальности в СССР, 1923–1939 / пер. с. англ. О. Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 662 с.

References

1. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. *Kak nashe gosudarstvo stalo federativnym? (Analiz otechestvennogo istoriko-gosudarstvennogo opyta): monografiya = How did our state become federal? (Analysis of domestic historical and state experience): monograph.* Penza: Izd-vo PGU, 2019:150. (In Russ.)
2. Yaroshevich A. Little Russia according to the 1897. *Kievskaya starina = Kyiv antiquity.* Kiev: Tip. Imperatorskago un-ta sv. Vladimira Akts. obshch. N.T. Korchak-Novitskago, 1905:13. (In Russ.)
3. Bruk I., Kabuzan V.M. The number and distribution of the Ukrainian ethnic group in the 17th – early 20th centuries. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography.* 1981;(5):15–31. (In Russ.)

4. Boyko Ya.V. *Zaselenie Yuzhnoy Ukrainy. Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniya kraja: russkie i ukraintsy (konets XVIII – nachalo XXI v.): etnostatisticheskij ocherk Vyp. 1 = Settlement of Southern Ukraine. Formation of the ethnic composition of the region's population: Russians and Ukrainians (late 18th – early 21st century): ethnostatistical essay. Issue 1.* Cherkassy: Vertikal', 2007:48. (In Russ.)
5. Mozgovoy S.G. Internal and external aspects of Ukrainian nationalism in 1863–1914. *Universum: Obshchestvennye nauki = Universum: social sciences.* 2016;(1-4). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-i-vneshnyaya-storony-ukrainskogo-natsionalizma-v-1863-1914-gg/viewer>
6. Khripachenko T.I. Failed compromise: russian liberals and projects of Polish and Ukrainian autonomy in the russian empire on the eve of World War I. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Petersburg Slavic and Balkan Studies.* 2015;(1). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neudavshiysya-kompromiss-rossijskie-liberaly-i-proekty-polskoy-i-ukrainskoy-avtonomii-v-rossijskoy-imperii-nakanune-pervoy-miro-voy-voyny/viewer>
7. Krutikov A. “Let us live in peace”. Ukrainian Constituent Assembly 1917–1918. *Perspektiva. Elektronnyy zhurnal = Perspective. Electronic journal.* 2020;4 Aug. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/history/dajte_spokojno_pozhit_ukrainskoje_uchreditelnoje_sobranije_1917__1918_gg_2020-08-04.htm
8. Tolochko P.P., Oleynikov A.A., Simonenko R.G. *Istoriya Ukrainy VI–XXI vv. 2-e izd., ispr. i dop. = History of Ukraine of the 6th – 21st centuries. The 2nd edition, revised and supplemented.* Kiev; Moscow: Kievskaya Rus': Kuchkovo pole, 2018:472. (In Russ.)
9. Mikhaylov I.V. “Ukrainian revolution” or revolution in Ukraine? *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO-University.* 2010;(1):65–75. (In Russ.)
10. Lyuksemburg R. Manuscript on the Russian Revolution. *O sotsializme i russkoy revolyutsii. Izbrannye stat'i, rech'i, pis'ma = On socialism and the Russian Revolution. Selected articles, speeches, letters.* Moscow: Politizdat, 1991. (In Russ.). Available at: <https://document.wikireading.ru/hb5YSKnCfW>
11. Durdenivskiy V.N. *Ravnopravie yazykov v Sovetskom stroe = Equality of languages in the Soviet system.* Moscow: [b. i.], 1927:243. (In Russ.)
12. *Tayny natsional'noy politiki TsK RKP: chetvertoe soveshchanie TsK RKP s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nykh respublik i oblastey v g. Moskve 9–12 iyunya 1923 g.: stenogr. otchet. Rossiyskiy mezhdunarodnyy fond kul'tury; vstup. st. B.F. Sultanbekova = Secrets of the national policy of the Central Committee of the RCP: the fourth meeting of the Central Committee of the RCP with responsible workers of the national republics and regions in Moscow on June 9–12, 1923: verbatim report.* Moscow: Insan, 1992:293. (In Russ.)
13. Medvedev A. *Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo naroda = The true history of the Russian and Ukrainian people.* Moscow: Eksmo, 2015:506. (In Russ.)
14. Krutikov A. “Until Our Power Gains Strength”. The Bolsheviks and the Ukrainian national question in 1917–1923. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal = Prospects. Electronic journal.* 2019;18 Jul. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/history/poka_nasha_vlast_ne_okrepnet_bolsheviki_i_ukrainskij_natsionalnyj_vopros_v_1917__1923_gg_2019-07-18.htm
15. Silnitskiy F. *Natsional'naya politika KPSS (1917–1922 gg.). 3-e izd. = National policy of the CPSU (1917–1922). The 3rd edition.* Washington: Problemy Vost. Evropy, 1990:312. (In Russ.)

16. *Dvenadtsatyy s"ezd Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). 17–25 aprelya 1923 g.: stenogr. otchet = Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). April 17–25, 1923: verbatim report.* Moscow: Politizdat, 1968:903. (In Russ.)
17. Vdovin A.I. *SSSR. Istoriya velikoy derzhavy. 1922–1991 = USSR. History of a Great Power. 1922–1991.* Moscow: Prospekt, 2018:767. (In Russ.)
18. Borisenok E.Yu. *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii 1920–1930-e gg. = The phenomenon of Soviet Ukrainization in the 1920–1930s.* Moscow: Evropa, 2006:256. (In Russ.)
19. Marchukov A.V. *Novorossiya. Formirovanie natsional'nykh identichnostey (XVIII–XX vv.) = Novorossiya. Formation of National Identities (18th – 20th centuries).* Moscow: Kuchkovo pole, 2018:510. (In Russ.)
20. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsional'nosti v SSSR, 1923–1939 = The empire of “positive activity”. Nations and nationalities in the USSR, 1923–1939.* Transl. from English by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN: Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina, 2011:662. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ринат Ряшитович Акжигитов

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Rinat R. Akzhigitov

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: makwwwin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2025

Принята к публикации / Accepted 04.02.2025